

УДК 355/359

ББК 68

П 27

Переслегин, Сергей.

П 27 Вторая Мировая – война между реальностями / Сергей Переслегин. — Москва : Яуза : Эксмо, 2014. — 608 с. — (Все войны России).

ISBN 978-5-699-72493-2

Казалось бы, что нового можно сказать о Второй Мировой, про которую написаны целые библиотеки? Однако Сергею Переслегину это удалось. Его культовый бестселлер переворачивает все прежние представления о прошлом, прокладывая путь в лабиринте исторических альтернатив, впервые рассматривая войну не только как столкновение стратегий и цивилизаций, но и как битву враждующих реальностей.

Могла ли Красная Армия остановить Вермахт на западных рубежах, не допустив врага до Москвы и Сталинграда? Был ли у Гитлера шанс одержать победу над СССР? Ответ в обоих случаях утвердительный. Да, такой шанс был. Да, Советский Союз мог пресечь немецкое вторжение «малой кровью». Каким образом? Читайте эту сенсационную книгу – путеводитель по Второй Мировой!

УДК 355/359

ББК 68

ISBN 978-5-699-72493-2

© Переслегин С., Гончаров В., 2014

© ООО «Издательство «Яуза», 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Предисловие

9 мая 1945 года Вторая Мировая война стала достоянием истории¹. В течение нескольких последующих лет она превратилась в средство конструирования этой истории — и остается им до сих пор.

Книга, предлагаемая Вашему вниманию, отличается от сотен и тысяч работ, созданных ранее, только в одном отношении: автор признает неразрывное единство «исторической правды» и «мифа», и анализирует прошлое, опираясь на это единство.

Мы не ставим перед собой задачи рассказать в одной сравнительно небольшой книге обо всей Второй Мировой войне. Сделать это невозможно, а немногочисленные попытки как-то «уложить» всю войну под одну обложку, в том числе предпринятые такими профессионалами, как Курт Типпельскирх

¹ Некоторая путаница в дате окончания войны связана с двумя обстоятельствами. Во-первых, 7 мая 1945 года союзники (США и Великобритания) уже приняли в городе Реймсе капитуляцию гитлеровских войск — с условием окончательно прекратить боевые действия к утру 9 мая. Эта капитуляция была не вполне «односторонней», поскольку в подписании документа принял участие (на свой страх и риск) советский представитель при союзном командовании генерал Сулопаров. Однако Сталин заявил протест, который был немедленно принят: Реймсская капитуляция была официально объявлена «предварительной» (какой она фактически и была по сути своих условий). После этого в Берлине в ночь с 8 на 9 мая произошла официальная церемония подписания безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Теперь сопротивление прекращалось немедленно (это условие совпадало с реймским). Подписи под актом были поставлены в 23:30 по берлинскому (то есть средневропейскому) времени. В Москве, находящейся значительно восточнее Берлина, стрелка часов уже миновала полночь, и наступило утро 9 мая. В этой связи Европа празднует День Победы 8 мая, а Россия и страны постсоветского пространства — 9-го, по своему поясному времени.

и сэр Бэзил Генри Лиддел-Гарт, привели лишь к появлению неудобочитаемых томов энциклопедического формата.

Представляемая вашему вниманию книга представляет собой набор очерков, в которых события 1939–1945 годов рассматриваются как «приключения стратегии»². Для нового издания текст книги был кардинально переработан и существенно дополнен. В нее добавлено несколько новых глав, полностью изменилась структура и концепция Приложений. Однако главная ее задача осталась той же.

Книга рассчитана на читателя, лишь в общих чертах знакомого с военной историей вообще и «эпохой тоталитарных войн» в частности. Речь идет о своеобразной русской версии знаменитого в прошлом американского фильма «Неизвестная война» — о том, чтобы познакомить современного читателя с событиями и реалиями, хорошо знакомыми его родителям, но для него самого являющимися Абсолютным Прошлым.

Да, конечно, Великая Отечественная война входит в школьный курс истории. Представлена она и на телевидении — в канун 9 мая хорошими старыми фильмами, в остальное время посредственными сериалами. К примеру, в том же «Караване PQ-17» в огромной зале идет совещание высших руководителей Третьего рейха. Присутствуют Гитлер, Геринг, Редер и Шнивинд. И все! Ни стенографистов, ни адъютантов, ни порученцев. «Рейхсмаршал, включите, пожалуйста свет. Темно. А гросс-адмирал пусть пойдет и нарежет бутерброды!»... Впрочем, «Караван...», снятый по роману Валентина Пикуля, в свою очередь написанному по мотивам известного исследования Дэвида Ирвинга, — далеко не худший вариант. «Перл-Харбор» и «Спасение рядового Райана» также претендуют на роль аутентичных пособий по истории Великой войны. Как

² «Strategy Adventure»; это тот редкий случай, когда английский язык передает понятие точнее русского — с учетом многозначности термина *adventure*, обозначающего и приключение, и авантюру, и свершение.

и более старое «Средиземноморье в огне», где английский эсминец уходит, «изрядно пощипанный, но не побежденный», получив столько прямых бомбовых попаданий, сколько хватило бы, чтобы три раза пустить ко дну весь британский Средиземноморской флот. Что это, как не мифы – или, если угодно, альтернативная история, при этом принимаемая большинством как абсолютно реальное прошлое?

Предлагаемая вашему вниманию книга рассчитана на слабо подготовленного или совсем неподготовленного читателя. Но мы смеем надеяться, что даже искушенный знаток Второй Мировой, старательно обозначающий самолеты «Мессершмит» буквенным индексом «Vf» и прекрасно понимающий, каким шагом вперед была замена танка Pz.III G на Pz.III J, также сможет найти в наших очерках немало пищи для размышлений.

Авторы исходят из того, что история принципиально альтернативна, и далеко не всегда Текущая Реальность складывается из самых вероятных событий. Неосуществленные варианты, возможности, не ставшие явью, продолжают существовать, образуя «подсознание» исторического процесса, «дерево вариантов» того Настоящего, в котором мы живем. Это «историческое подсознание» воздействует на нас, образуя, быть может, контекст, а может, и бэкграунд окружающего нас мира. И, конечно, невозможно понять суть стратегии (а тем более разобраться в ее приключениях – или злоключениях?), оставаясь вне контекста, в котором существовала мысль полководца – причем еще тогда, когда наше Настоящее было лишь одним из альтернативных вариантов Будущего.

В некоторых случаях нам придется, следуя примеру шахматистов, вести анализ сразу на двух стратегических «досках», сличая Текущую Реальность с той, которая возникла бы, если...

Вступительный сюжет:

Галиция, 1914 год

П

редставьте себе большую комнату, скорее даже залу, в которой собралось довольно много людей, все с повязками на глазах — не то чтобы совсем ничего не видно, но мало что можно разглядеть.

Эта комната символизирует западную часть европейского континента и изготовившиеся к войне армии.

Она имеет вид неровного прямоугольника: южная сторона меньше северной, а западная — меньше восточной. Кое-где, в основном на юге и юго-востоке, комната заставлена мебелью, мешающей передвижениям — это Альпы, Балканы и Карпаты. Пол в основном паркетный — но участки паркета разделены исключительно скользкими мраморными плитками, переход через которые возможен только по перекинутым мостикам — это речные системы Вислы и Сана на востоке, система Рейна и Мааса на западе.

Звучит сигнал гонга (в действительности, это были выстрелы, которыми сербский студент Гаврило Принцип убил австрийского эрцгерцога и его супругу), и в комнате начинается движение.

На западе семь немцев (среди которых один подросток) выстраиваются против пяти французов. В процессе движения немцы опрокидывают стул, на котором сидит бельгиец. Тот с проклятиями встает и присоединяется к французам. Через западную дверь в комнату входит англичанин, которого сразу же вовлекают в общее движение на стороне французов; англичанин, впрочем, пытается помочь бельгийцу и при этом не слишком активно участвовать в общем танце.

На юге австрийцы первоначально находились в раздумье, определяя, сколько им там нужно людей. В любом случае чем больше, тем лучше — но на востоке люди тоже были очень нужны. В ре-

зультате некий Бем-Эрмоли весь первый такт вальса ходил кругами: сначала на восток, потом на юг, потом опять на восток.

Восточная сторона комнаты — самая большая. В ее северном углу статный немец вальсирует с двумя русскими — не из числа богатырей. В середине пространство свободно (Привислинский край). Дальше два австрийца насаждают на двоих русских — довольно удачно. Потом еще один пустой промежуток, южнее которых двое русских колошматят одного австрийца в хвост и гриву, тот кричит и просит Бем-Эрмоли помочь...

Восточная дверь открыта. К концу первого такта в нее входят еще двое русских, занимая пустое пространство на средней Висле.

Далее начинается танец. На западе немцы, оставляя бельгийца сбоку, продвигаются почти до двери и бьют при этом французов и англичан в кровь. Но те, перегруппировавшись и собравшись с силами, останавливают немцев и отбрасывают их на шаг назад. Далее драка становится еще более ожесточенной: бельгиец проползает под ногами у дерущихся и занимает важную позицию у двери... К концу второго раунда все участники едва дышат и с трудом держатся на ногах.

На юге происходит что-то вроде перетягивания каната: австрийцы делают шаг вперед, два шага назад, снова шаг вперед.

А на востоке — крутые разборки. Немец в северном углу сначала споткнулся о выставленную русским ногу, отлетел назад, сгруппировался, встал с разгибом и двумя ударами справа и слева выбил из игры второго русского (первый потерял противника и все это время искал его).

В центре русские и австрийцы с разбега кинулись друг на друга, причем столкновение оказалось для русских неожиданным и неудачным. Четвертая армия получила мощный удар справа и позвала соседа на помощь, тот повернулся на голос и сам попал под удар с обеих сторон, каким-то чудом удержался на ногах и сделал большой шаг назад, увлекая соседа.

Австрийцы могли бы быть довольны, если бы немец отклик-

нулся на их отчаянные призывы и пришел к ним на помощь — в этом случае крах русских 4-й и 5-й армий был неизбежен. Но Мольтке-младший промолчал, а Людендорф сделал вид, что не слышит никаких просьб (он начал медленно и неуверенно выталкивать на восток второго из своих противников, который даже к этому моменту еще толком не разобрался, что, собственно, происходит).

Австрийцев устроило бы и это — если бы им удалось удержаться на юге Восточного фронта, хотя бы на линии Львова (где было довольно много удобной для обороны мебели). Но Бем-Эрмоли опоздал: пока он путешествовал «туда и обратно», 3-я австрийская армия оказалась разбита, и ему ничего не оставалось, кроме как присоединиться к бегущим.

В общем, первый такт боев на востоке принес проблемы обеим сторонам. В этой непростой ситуации австрийский главнокомандующий пытается удержаться в центре минимальными силами, перебросить все, что только можно, ко Львову и отбить Галицию. В сущности, там трое австрийцев стоят против всего двоих русских — только вот эти русские вошли во вкус драки и месят противника с нескрываемым воодушевлением. И, что оказалось самым ужасным для австрийского главнокомандующего, они немедленно переходят в наступление в центре, где, казалось бы, только что были разбиты.

Русский главком наконец-то получил свои резервы — это те двое, которые ждали у дверей. Один из них заткнул собой дыру на севере, второй потянул вперед за собой побитые, но непобежденные армии. Их движение положило конец сражению у Львова — которое, впрочем, и так складывалось для австрийцев не слишком хорошо. Как следствие, им пришлось отходить за Сан и Вислу, махнув рукой и на Галицию, и на Люблин, и на Брест.

Кампания 1914 года закончилась.

Галицийская битва в контексте коалиционной войны

Весь маневренный период Первой Мировой войны — от 1 августа 1914 года до 4 января 1915 года — вполне правомочно рассматривать как одно гигантское сражение, развернувшееся сразу на четырех фронтах.

Первая Мировая война была уникальна в том отношении, что ее основные участники не воевали всерьез свыше 40 лет (заметим в скобках, что сейчас в мире сложилась похожая ситуация). Франция забавлялась колониальными кампаниями на Мадагаскаре и в Индокитае — в основном удачными. У Германии и Австро-Венгрии не было даже такого опыта. Англия и Россия имели сравнительно свежий опыт тяжелой, но периферийной войны, каждая — своей. Из втянутых к войну нейтральных стран Бельгия не воевала вообще никогда, зато Сербия прошла за 1912–1913 года две успешные войны, что дало стране неоценимый боевой опыт, но ценой существенного ослабления армии: затраченное в ходе Балканских войн военное снаряжение все еще не было восстановлено.

Не имея опыта современной войны, командование воюющих империй тем не менее было убеждено в быстром и полном успехе своих армий. Такая уверенность отчасти была обусловлена непониманием масштаба предстоящих сражений, а отчасти — вполне обоснованной верой в себя. Не будет преувеличением сказать, что никогда — ни раньше, ни позже — на фронтах не сталкивались столь подготовленные войска и такие грамотные командиры.

В общих чертах планы сторон рисуются следующим образом:

Для Германии необходимо быстро (не позднее середины сентября) разгромить Францию — во всяком случае, одержать над ней неоспоримую военную победу, взять Париж, по пути оккупировав Бельгию и, в обязательном порядке, порты

на побережье Ла-Манша. При этом Восточный фронт должен сохранить свою целостность, хотя допускается потеря Восточной Пруссии и серьезное поражение Австро-Венгрии («Судьба Австро-Венгрии будет решаться не на Буге, а на Сене», – говорил фельдмаршал Шлиффен). Немецкий план ведения войны воплотился в сражение под Льежем, Пограничное сражение и битву на Марне. На Марне немецкое наступление было остановлено, и началась совсем другая игра.

Для Франции важно было выдержать первый удар немцев, этой целью было проникнуто сознание всех – от главнокомандующего до последнего рядового. Казалось бы, Франция изберет разумный оборонительный план (тем более, что значительная часть ее восточной границы рассматривалась военными специалистами как сплошная система крепостей). Вместо этого французы решили наступать, ввязались в Арденнах в бои с превосходящими и лучше организованными войсками противника и были отброшены к Парижу. В новых условиях для Франции была жизненно необходима активность русских войск в Восточной Пруссии, чего французское командование настойчиво добивалось.

Для Великобритании было важно сохранить свою армию, французского союзника и порты Ла-Манша, все остальное не имело значения. В общем и целом эту задачу англичане решили, но не без приключений.

Австро-Венгрия в начале войны оказалась в откровенно нелепом положении. Поводом к войне послужил ее конфликт с Сербией, поэтому Сербский фронт приобретал важное политическое значение. Кроме того, все возможные выгоды от войны, все завоевания лежали для двуединой монархии на юге. Но на востоке нависала громада России. По идее австрийцам следовало сконцентрировать достаточные силы против Сербии, ограничившись на русском фронте жесткой обороной. Но принципы военного искусства жестко указывали, что сначала необходимо разгромить главного противника – каким, несомненно,

была Россия. В результате Австро-Венгрия смотрит в две стороны и пытается вести на двух фронтах две наступательные операции, а вдобавок никак не может определиться с распределением сил между фронтами.

Здесь нужно сказать, что убийство Франца-Фердинанда и его супруги, выражаясь современным языком, стало «актом государственного терроризма»³. «Сербский след» в этом преступлении просматривался довольно отчетливо, и можно предполагать, что кайзер Франц-Иосиф, а равным образом и начальник генерального штаба Австро-Венгрии Конрад фон Хетцендорф, рассчитывали поэтому на возможный нейтралитет России. Они полагали, что российский самодержец не поддержит убийц наследника престола и их пособников. Думается, аналогичные иллюзии были какое-то время и у Вильгельма II. В конце июля Конрад принимает желаемое за действительное и приказывает сосредоточить 2-ю армию на Балканском фронте. Уже 1 августа становится ясно, что это решение ошибочно, но механизм запущен, и сделать ничего нельзя: придется вести корпуса в Сербию, разгружать их там — и лишь после окончания остальных перевозок вновь сажать в вагоны и везти в Галицию. Ну не было тогда компьютеров, позволяющих манипулировать сотнями эшелонов в реальном времени! На самом деле их и сейчас нет...

Как бы то ни было, австрийский штаб предполагал на юге быстро разгромить Сербию, а на востоке — нанести решительный удар России, наступая на северо-восток и отрезая от империи Царство Польское. Для успеха этой операции требовались два условия: необходимое и достаточное. Необходимо было любой

³ Справедливости ради отметим, что политическое и военное руководство Сербии не знало подробностей связи сербской разведки с «Черной рукой» — а руководство последней, в свою очередь, не было осведомлено о планах финансируемой ею «Молодой Боснии». Узнав о готовящемся покушении и прекрасно осознавая все его возможные последствия, сербское руководство попытались его предотвратить и даже предупредить Австрию по дипломатическим каналам — но австрийцы просто отказались прислушиваться к туманным предупреждениям сербского посла. В целом коллизия, приведшая к началу Первой Мировой, чем-то напоминает сюжет фильма «Хвост виляет собакой».

ценой обеспечить устойчивость южного крыла фронта, где русские, несомненно, собирались наступать. Достаточным условием было встречное наступление Германии из Восточной Пруссии на юго-восток, к Седлецу. Но такого наступления Германия на самом деле не планировала – и, строго говоря, австрийцам не обещала.

Австрийский план привел к нескольким последовательным сражениям на Балканах и грандиозной Галицийской битве.

Для Сербии не было никакого другого плана, кроме «игры вторым номером» – жестко обороняться на естественных рубежах, сообразуя свои усилия с действиями противника.

Положение России в войне было, в общем, стол же нелепым, как и положение Австро-Венгрии. Она была принуждена защищать Сербию, вряд ли испытывая от этого большой восторг. Ради Сербии империя, совсем недавно пережившая проигранную войну и революцию, вступала в смертельную борьбу с сильнейшей континентальной державой – Германией.

И опять встает вопрос, что делать, как распределить силы? Повод к войне лежит на юге – это Австро-Венгрия. Там же и территории, которые Россия с удовольствием присоединила бы к Привислинскому краю – Галиция со столицей во Львове (в 1939 году эти земли действительно удалось аннексировать, они оставались в составе СССР до 1991 года, а сейчас принадлежат Украине). Главный же противник – на севере.

Российское командование отринуло формальные принципы военного искусства во имя быстрой и громкой победы. Оно бросило основные силы против Австро-Венгрии, оставив против Германии менее трети наличных войск.

Здесь нужно подчеркнуть, что ввиду размеров России развертывание русской армии отставало от развертывания немецких и австро-венгерских войск. Однако российский Генштаб превратил эту проблему в преимущество: Россия не создавала в начале войны никаких серьезных резервов – резервами автоматически становились прибывающие на фронт корпуса второй и третьей очереди.

В исторической литературе к российской схеме развертывания относятся довольно критически, указывая на распыление сил между фронтами. Действительно, русский план войны не давал гарантии разгрома Австро-Венгрии ни в его осуществившейся в реальности версии «А» — ни тем более в версии «Г», которая была создана на тот маловероятный случай, если Германия направит все свои силы на Восточный фронт. С другой стороны, в версии «А» против Германии направлялось слишком много сил для обороны, в то время как для наступления их могло оказаться (и оказалось) недостаточно. Аналогичным образом в версии «Г» австрийский фронт был оставлен слишком сильным.

Эта критика была бы правильной, если бы вся война ограничивалась Восточным фронтом.

Российское военное руководство довольно правильно представляло себе общий рисунок предстоящей войны: Германия главными силами нападет на Францию, а не на Россию, то есть будет осуществлена версия развертывания «А». Мобилизацию Франция и Германия проведут быстро и четко, в результате чего первый кризис на французском фронте возникнет уже на 20-й день мобилизации. К этому времени русская армия будет готова примерно на две трети, то есть будет развернуто от 60% до 70% состава, причем практически повсеместно без тыловых структур и тяжелой артиллерии.

Военная наука требовала ждать сосредоточения войск. Однако 90% готовности Россия достигла бы только на 45-й день мобилизации. К этому времени во Франции все уже могло закончиться. Российское командование полагало, что разгром Франции (вне зависимости от того, выйдет она из войны или нет) окажет самое неблагоприятное воздействие на Восточный фронт, невзирая на любые достигнутые там успехи. По сути, оно тоже считало, что судьба Австро-Венгрии будет решаться на Сене, а не Буге.

Таким образом, нужно было начать помогать французам на 20-й день мобилизации. Французские займы, на которые часто

намекают в межвоенной литературе, здесь, вероятно, ни при чем: логика коалиционной войны настоятельно требовала активных действий на востоке именно в момент кризиса на западе.

Следовательно, русские войска должны были вторгнуться в Восточную Пруссию. Кроме всего прочего, надлежало иметь в виду, что связывание боем 8-й немецкой армии, а лучше — оттеснение ее к Висле стало бы лучшей гарантией от неожиданного удара с севера против Люблинской группировки русских войск.

Сложность операции в Восточной Пруссии российское командование недооценило, но все-таки выделило для нее две армии, оставив в Галиции четыре.

Русский план ведения войны привел к двум крупным сражениям: в Галиции и в Восточной Пруссии.

Дальнейший ход событий рисуется следующим образом:

До 5 августа — захват немцами Люксембурга, вступление Великобритании в войну, перестрелки на Сербском фронте, бессмысленная активность французов в Эльзасе.

С 5 по 16 августа — сражение за Льеж (взят 7-го числа) и его форты, первая крупная операция войны. Немцы выиграли ее, но потеряли много сил и как минимум четыре важных дня активного времени. Зато штурм Льежа выявил в довольно заурядном бригадном генерале Эрихе Людендорфе недюжинный военный талант. Через три недели это обстоятельство приведет к крупным неожиданностям на другом конце военной карты — в Восточной Пруссии.

16—19 августа — сражение у горы Цер на Сербском фронте. Здесь Австро-Венгерская армия потерпела свое первое поражение: атака была отбита, причем австрийские потери превысили сербские в 4 раза.

Уместно сказать, что командующий сербскими войсками воевода Радомир Путник встретил начало войны в Австрии, где он лечился на водах. Путник попытался уехать (надо думать, через нейтральную Швейцарию или Италию), но был арестован в Будапеште. По законам военного времени его ждал или плен, или

интернирование — что в данном случае было бы одним и тем же. Однако Конрад фон Хетцендорф лично приказал освободить заключенного и отправить его на родину. Трудно сказать, почему он так поступил. Считал ли, что старый и больной Путник не представляет никакой военной ценности? Или, как хотелось бы верить, Конрад просто поступил порядочно, дав возможность своему противнику войти в историю в качестве боевого генерала — каким Путник и был, — а не старого маразматика, ухитрившегося стать первым военнопленным великой войны и одним из немногих за всю историю пленных фельдмаршалов.

С 21 по 25 августа шло Пограничное сражение, которое можно разделить на отдельные операции — бой у Монса, сражение у Шарлеруа, сражение в Арденнах, бои в Лотарингии. Во всех этих операциях и во всем сражении в целом немцы достигли серьезного успеха. Союзные армии не были разбиты до конца, но понесли тяжелые потери и были отброшены к Парижу.

Уже 17 августа боем у Шталлуппена началась Восточно-Прусская операция русской армии. 20 августа состоялось суматошное Гумбинненское сражение, начавшееся и закончившееся с невыполнения приказов. Сражение носило нерешительный характер — что для немцев, рассчитывавших разгромить 1-ю русскую армию до подхода 2-й, было эквивалентно поражению. Если учесть, что корпус Макензена был разбит и отброшен на 20 километров к западу, а остальные корпуса потеряли связь между собой, нетрудно понять ту мрачную обстановку, которая царилась вечером 20-го числа в штабе 8-й армии.

Притвиц принял решение отойти за Вислу. В целом это не противоречило предвоенным замыслам германского командования, но не в первый же день боев! Восточную Пруссию, прекрасно подготовленную для обороны, следовало держать как можно дольше: она была важна не сама по себе, а тем, что, нависая с севера над Привислинским краем, сковывала всякую русскую активность на Средней Висле. Поэтому Притвиц был немедленно заменен, и в командование армией вступил

вызванный из отставки генерал Гинденбург. Его начальником штаба стал Людендорф, герой Льежа, который очень быстро прибрал к рукам и старого Гинденбурга, и 8-ю армию.

25 августа Мольтке совершает решающую ошибку: посчитав, что на западе дело уже сделано, он перебрасывает с Западного фронта на Восточный два армейских и один кавалерийский корпуса.

С 17 по 30 августа продолжается битва при Танненберге. Людендорф точно реализовал идею Шлиффена для Восточной Пруссии – атаку внутреннего фланга одной из русских армий. В результате 2-я армия понесла катастрофическое поражение, потеряв убитыми, ранеными и пленными 95 000 человек (в том числе 23 генерала) и 272 орудия⁴. Командующий армией генерал Самсонов застрелился.

2 сентября 1914 года французское правительство покинуло Париж, к которому приближались немецкие армии.

А на юге Польского выступа с 18 августа шла Галицийская битва, состоящая из Люблин-Холмской, Галич-Львовской и Городокской операций. Все к тому же дню 2 сентября Люблин-Холмская операция была проиграна русскими войсками.

В этот день германские армии, казалось, стояли на пороге победы. И на Западном фронте, и на Восточном их войска на решающих направлениях продвигались вперед, брали трофеи и пленных.

На Восточном фронте теперь всерьез угрожал удар с севера на Седлец и распространение сражений в Галиции и Восточной Пруссии на Среднюю Вислу. К счастью для русских, Людендорф не решился на эту авантюру и занялся медленным и безопасным выдавливанием из Восточной Пруссии 1-й армии, что продолжалось до 14 сентября.

⁴ Общие потери 1-й и 2-й армии до начала сентября 1914 года обычно оцениваются в 245 тысяч человек, в том числе 135 тысяч пленными. Немецкие источники утверждают, что из состава 2-й армии было захвачено 92 тысячи пленных и 350 орудий – однако начала войны армия потеряла лишь 298 орудий.